
Н. С. РОЗОВ

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕНТАЛЬНОГО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ РОССИЙСКИХ ЦИКЛОВ

Автор объясняет известную цикличность в истории России через закономерности взаимодействий Правительства и Элиты, изменение их жизненных и политических стратегий и схем мировосприятия. Рассматривается упрощенная кольцевая модель – трехтактный цикл: «Стагнация» → «Кризис» → «Авторитарный откат» → «Стагнация». Формулируются принципы психологической и социальной динамики в каждом такте кольцевой модели, а также непреднамеренные следствия этих стратегий.

Ключевые слова: история России, циклы, динамика, историческая макросоциология, менталитет, габитусы, фрейм, кризис, политические стратегии, практики, непреднамеренные следствия.

От противостояния – к синтезу динамической модели

Историческая психология и историческая макросоциология (см. об этом направлении: Коллинз 2001; Розов 2009) «оккупируют» основные противостоящие позиции «вечной» социально-философской проблемы, известной под разными именами: «воля и обстоятельства», «субъективное и объективное», «роль личности в истории» и т. п. Ясно, что это противостояние не вечно и не фатально. Более того, Платон в «Государстве», Аристотель в «Политике», а затем Ибн Халдун, Н. Макиавелли и Дж. Вико свободно использовали сочетания психологических и социально-структурных концепций для объяснения крупных политических трансформаций и закономерностей исторической динамики. То же относится к таким классикам социальной мысли, как Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, В. Зомбарт, М. Вебер, Н. Элиас. И в настоящее время некоторые ученые успешно сочетают анализ микро- и макроуровней, взаимозависимости между объективными социальными струк-

турами разного масштаба и явлениями индивидуальной и групповой ментальности (Бурдьё 2001; Коллинз 2005; Collins 1999; Derluigian 2005; Mennel 2007).

В данной работе предпринята попытка развить эту синтетическую линию на материале циклической динамики социально-политической истории России. Задача статьи – построить концептуальную схему, задающую такие присущие наиболее влиятельным группам особенности, характер изменения и роль компонентов ментальности, которые объясняют хотя бы простейшие паттерны циклической динамики в социально-политической истории России.

Феноменология российских циклов

Ранее было показано (Розов 2006) совпадение модели долгих циклов модернизации по Р. Вишневскому и модели революций служилого класса по Р. Хелли (Вишневский 1997; Hellie 2005). В обоих случаях циклически меняющаяся переменная может быть обозначена как «государственный успех». Это интегральный показатель, агрегирующий уровни:

- геополитического престижа и военных побед;
- легитимности власти и политического режима;
- социально-политической стабильности;
- экономического и социального комфорта (удовлетворения материальных и социальных потребностей влиятельных групп).

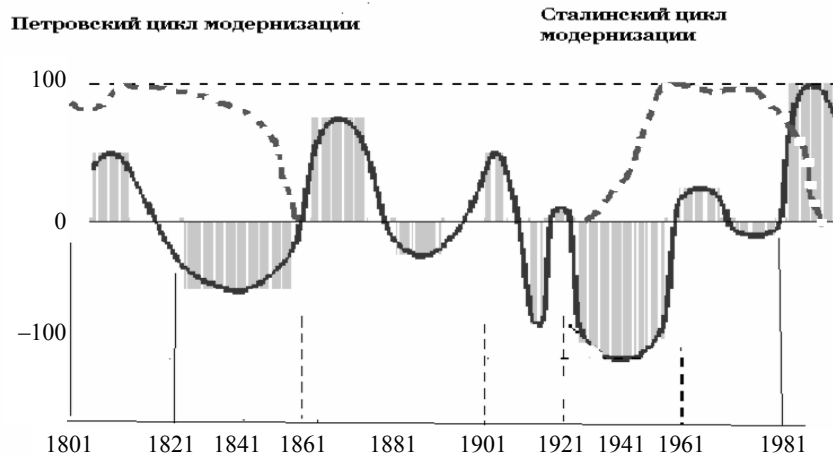
Модель кратких циклов реформ-контрреформ (Янов 1997) существенно переработана и дополнена В. Пантиним и В. Лапкиным (Пантин, Лапкин 1998). Реформы здесь понимаются как целенаправленная либерализация в политической, правовой, экономической и культурной сферах. Напротив, контрреформы – это целенаправленное движение в сторону авторитарной политики, огосударствления экономики, большего контроля над идеологией, религией и культурой.

В данном случае циклически меняющаяся переменная, условно названная «свободой», агрегирует:

- уровень свободы от государственного принуждения;
- уровень защищенности, личной безопасности;
- уровень защиты собственности;
- уровень реальной защиты политических и экономических свобод;

- уровень ограничения власти законами;
- уровень участия граждан в управлении.

При наложении условных графиков (рис. 1) обнаруживается, что в большинстве периодов российской истории государственному успеху сопутствовал низкий уровень свободы и наоборот – взлеты свободы были следствием и/или предтечей крупных государственных провалов (военных поражений, революций, смут и пр.).

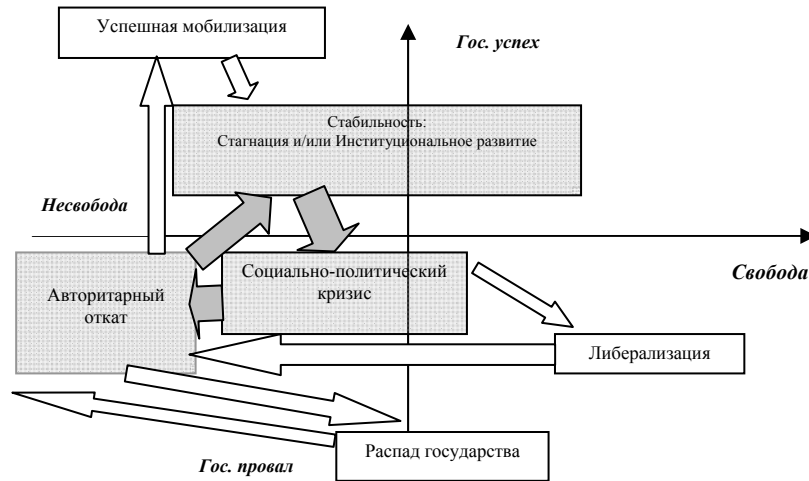

---- – уровень государственного успеха (внешний престиж могущества, внутренняя стабильность и легитимность режима и власти);
 ——— – уровень свободы (защита личности и собственности, гражданские и политические права, участие в управлении).

Рис. 1. Наложение долгих циклов модернизации (по Р. Вишневному и Р. Хелли) на краткие циклы реформ-контрреформ (по А. Янову, В. Лапкину и В. Пантину).

Изучение циклической динамики естественным образом склоняет к выделению последовательности тактов (фаз, периодов)¹ цикла. Представим ее посредством модели фазовых переходов в параметрическом пространстве «государственный успех/свобода от государственного принуждения» (рис. 2).

¹ Такты истории России – это не выявленные «натуральные» периоды, подобные детству, юности, зрелости и старости живого организма, но аналитические орудия, сконструированные «идеальные типы», способствующие различению, целостному описанию, пониманию и объяснению сложного и развивающегося органического целого.

Рис. 2. Основные такты и межтактовые переходы в циклической динамике истории России. Контур заштрихованных блоков и стрелок – *кольцевая динамика* наиболее частых переходов. Контур между либерализацией, государственным распадом и успешной мобилизацией – *маятниковая динамика*

Как видно на схеме, модель включает две основные динамики: *кольцевую* (такты и стрелки-переходы заштрихованы) и *маятниковую* (выплески за пределы «кольца» – размашистые движения).

Кольцевая динамика включает три центральных такта: «Стабильность» (чаще всего в форме «Стагнации»), «Кризис» и «Авторитарный откат». Они выделены, поскольку наиболее часто встречаются и переходят друг в друга, причем в одной и той же последовательности: «Стагнация» → «Кризис» → «Авторитарный откат» → «Стагнация». «Институциональное развитие» (составление сводов законов, упорядочивающих, расширяющих права и свободы, появление и рост институтов представительства, выборов и т. д.), неоднократно имевшее место в России, обычно совмещалось с характеристиками «Стагнации», которые проявлялись чаще и шире. Общая структура тактов и кольцевой динамики также указывает на доминирование «Стагнации», поскольку постоянным (детерминированным?) переходом является соскальзывание к «Кризису». При доминировании «Институционального развития» эффект был бы другим.

Детальное сопоставление явлений российской истории в аспекте выделенных измерений (государственный успех и личная свобо-

да) показало, с одной стороны, отсутствие жесткой повторяющейся последовательности тактов, существенные различия их отдельных манифестаций по длительности, глубине и другим характеристикам, вариативность межтактовых переходов, с другой стороны, регулярное появление самих тактов и нескольких паттернов («Кризис» → «Либерализация» → «Откат»; «Кризис» → «Авторитарный откат» → «Мобилизация» → «Стагнация» и др.). Упорное появление в исторической динамике России одних и тех же тактов и паттернов свидетельствует о действии одного и того же *воспроизводящегося глубинного социального механизма*.

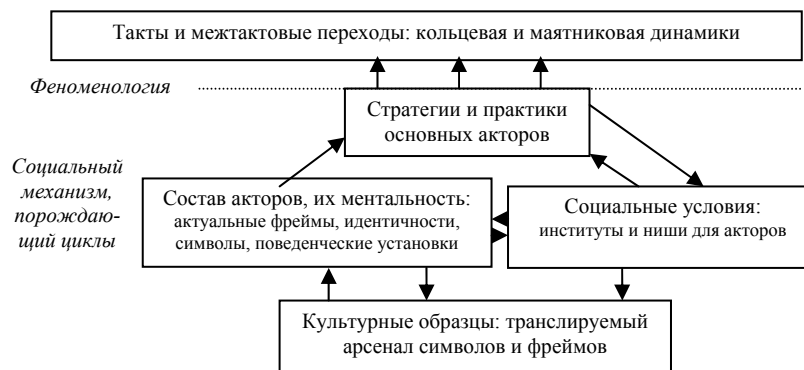
Структурная модель социального механизма циклов

Данное исследование имеет не эмпирический, а теоретический характер, что предъявляет более строгие требования к научному объяснению. Общие постулаты изменений, состав и свойства компонентов искомого механизма должны быть заданы таким образом, чтобы внутри каждого такта компоненты изменялись закономерно – согласно постулатам – и приводили к результатам, которые согласно тем же или иным постулатам обуславливали переход именно к следующему такту кольцевой модели с характерным для него начальным состоянием компонентов.

Представим исходную онтологическую схему структуры искомого социального механизма и его воздействия на феноменологию циклической динамики (рис. 3). Основное содержание тактов и характер, направленность межтактовых переходов являются совокупными результатами стратегий и практик главных акторов, действующих в определенных социальных нишах в каждый период времени. Компоненты ментальности акторов прежде всего основаны на транслируемых в поколениях культурных образцах, но также трансформируются институтами и нишами, в которые акторы попадают. Разумеется, культурные образцы также меняются от поколения к поколению, но этот момент в данной версии онтологической схемы не учитывается. Теперь развернем основные понятия схемы.

Под *актором* мы понимаем социальную группу (большую или малую), поведение которой оказывает постоянное и существенное влияние на социально-политические процессы и соответственно на историческую динамику. Малочисленные акторы (например, группы, борющиеся за власть) всегда организованы и уже поэтому имеют общность в установках и поведении. Акторы как большие группы (социальные слои, сословия, классы) обычно не организо-

ваны либо организованы в очень малой степени, но общность установок и поведения входящих в них индивидов делает существенным вклад таких акторов в историческую динамику.

Рис. 3. Исходная онтология социального механизма, порождающего циклическую динамику

Соответственно далее именно акторам будем приписывать ментальные характеристики. Хотя в реальности ими обладают индивиды, для нас важны не их уникальные особенности, а только те культурные и психические инварианты, которые делают поведение включающих их социальных групп (акторов) исторически значимым.

Практики актора понимаются как инварианты регулярных рутинных действий и операций составляющих его индивидов (например, каждодневное выполнение обязанностей чиновником). *Стратегии* актора – это инварианты целенаправленных долговременных деятельностей составляющих его индивидов (например, осуществление чиновником или офицером плана действий по карьерному продвижению или обогащению). Совокупность стратегий и практик актора образует его *социальное поведение*.

Габитус актора как единица ментальности

Каждый актер имеет следующий арсенал ментальных компонентов – инварианты содержательных представлений и установок (в разной степени осознаваемых или бессознательных) у входящих в актер индивидов:

- *символы* – принимаемые в той или иной мере религиозные, морально-политические и/или идеологические идеи, идеалы, принципы, ценности (Э. Дюркгейм, Г. Блумер, Р. Коллинз);

- *фреймы* – когнитивные структуры для схематизации опыта, для «определения ситуации», т. е. для осмысления явлений социального окружения через подведение происходящего под знакомое и привычное; фреймы обычно не осознаются, а во внешних появлениях варьируют от произнесения общеизвестных максим и поговорок в качестве оснований отношения или действия до словесного истолкования своего или чужого положения и поведения в конкретном случае (М. Л. Минский, Г. Бейтсон, И. Гофман); главными элементами фрейма будем считать Роли (далее выделяемые заглавными буквами) и приписываемые им характерные действия. Соответственно все социальные события, осмысленные актором через некий фрейм, истолковываются как проявления или следствия действий, совершенных известными или неизвестными людьми, занимающими установленные позиции – Роли – в данном фрейме²; разумеется, каждый индивид имеет многие тысячи фреймов (когнитивных структур), но для акторов мы будем учитывать только *инвариантные базовые фреймы* (далее просто фреймы), регулирующие восприятие жизненно важных социальных ситуаций и политически значимое поведение акторов;

- *идентичности* – представления актора о своем месте в социальном окружении, понятием через тот или иной *фрейм*, т. е. принимаемые им самим Роли, а также характер отнесения себя к принимаемым *символам* (Дж. Мид, Ч. Кули, Э. Эриксон, И. Гофман);

- *поведенческие установки*, которые через интеграцию *фреймов, символов и идентичностей* программируют социальное поведение актора – его практики и стратегии (В. Томас, Ф. Знанецкий, Г. Олпорт, Д. Узнадзе).

Как видим, все эти компоненты тесно взаимосвязаны. Существенные изменения каждого ведут и к изменениям остальных. Каждое устойчивое сочетание фреймов, символов, идентичностей и установок актора назовем его *габитусом* (термин П. Бурдьё). Актор с постоянным габитусом осуществляет одни и те же рутинные практики, один и тот же тип стратегий.

Рефрейминг и смена габитуса

По некоторым причинам, которые далее будут раскрыты, габитус того или иного актора может начать разрушаться, трансформи-

---

² Ср.: «Фрейм – это матрица возможных событий и совокупность ролей, делающих их возможными» (Goffman 1967: 26–27).

роваться. Метания, пробы и ошибки, попытки принятия новых символов, идентичностей разными акторами характеризуют исторические периоды кризисов, идейной, нравственной, политической неустойчивости, социальной нестабильности. Рано или поздно устанавливается некое новое равновесие – стабильность с обновленным составом акторов и их обновленными габитусами.

Повторяемость исторических периодов (цикличность) в некотором обществе, например российском, указывает на структурное сходство состава акторов и ограниченный арсенал их габитусов. Разумеется, в каждом новом поколении появляются новые типы социальных групп, уникальные особенности фреймов, символов и идентичностей, но в целях изучения природы исторических циклов от этой специфики необходимо отвлечься. Примем для начала следующую упрощенную модель.

Каждый актор имеет два габитуса или более, но только один из них, как правило, актуален, действует, воплощается в практиках и стратегиях. Остальные остаются латентными. Переключение фреймов, т. е. переход актуального фрейма в латентный и переход бывшего латентного – в актуальный (далее *рефрейминг*), происходит редко. Как правило, рефрейминг сопряжен с большими эмоциональными потрясениями в связи с тем, что ожидания прежнего актуального фрейма терпят явное фиаско, прежняя идентичность перестает быть приемлемой, привычные практики и стратегии вдруг оказываются безуспешными или даже провальными. Таким образом, рефрейминг у актора ведет к смене всего его габитуса: прежний актуальный габитус становится латентным, а прежний латентный – актуальным. Такие явления хорошо известны в истории под разными именами: «смена веж», «переоценка ценностей», «перестройка мировоззрения» и пр.

Социальные институты и ниши

Теперь от субъективной стороны обратимся к объективной. К чему во внешнем социальном мире приводят практики и стратегии акторов? Здесь нам понадобится упрощенная онтология социального.

В качестве базового концепта возьмем *социальный институт*, понимаемый как устойчивый комплекс предписывающих и ограничивающих *правил* поведения и подкрепляющих их *символов*, регулирующий какую-либо из сторон человеческой жизнедеятельности и организующий взаимодействие как систему (институцио-

нальных) *ролей* в отношении людей друг к другу и *статусов* в престиже и доступе к *ресурсам* разного рода.

Допустим, некий актер (индивиды, его составляющие) входит одновременно в роли и статусы нескольких институтов. Так, старший сын помещика в дореформенной России с высокой вероятностью становился также помещиком (институт помещичьего землевладения и крепостного права, институт наследования), дворянином (институт прав и обязанностей сословий), офицером или чиновником (институты военной или гражданской службы), православным, влиятельным членом и спонсором местного прихода (институт церкви и ее внешней поддержки) и отцом семейства (институт семьи). Назовем такое сочетание ролей и статусов *социальной нишей*. Каждый комплекс институтов образует некое разнообразие социальных ниш. Для простоты будем для каждой ниши учитывать только те институты, которые в наибольшей мере обеспечивают положение в структурах власти, доход и уровень признания (престиж). Также будем считать, что в периоды социальной стабильности *каждый актер имеет свою особую нишу* как сочетание ролей и статусов в этих наиболее социально значимых для актора институтах.

Социально значимое поведение либо осуществляется в рамках некоторого института, либо нарушает его ограничения и разрушает институт в большей или меньшей мере.

Первый тип поведения акторов характерен для относительно устойчивых исторических периодов, которые будем ассоциировать с длительными тактами (кроме «Кризиса» и «Государственного распада») в нашей циклической модели. Здесь сохраняются и институты, и соответствующие ниши для акторов, у которых нет особых стимулов для рефрейминга и смены своих габитусов, соответственно практик и стратегий, выходящих за рамки правил. Далее будет показано, что непреднамеренные следствия вполне институциональных практик и стратегий на самом деле могут исподволь разрушать институт (например, через истощение его ресурсной базы), но критические значения такого разрушения уже соответствуют окончанию такта, они и дают стимулы для рефрейминга.

Второй тип поведения акторов наиболее интересен с точки зрения анализа исторической динамики. Недовольные положением в своей нише акторы претерпевают рефрейминг и смену габитусов. Их практики и стратегии теперь нарушают правила и ограничения имеющихся институтов, уже и так ослабленных. Прогрессирующее разрушение прежних институтов ведет к следующим эффектам.

Прежние правила теряют обязательность, санкции за их нарушения ослаблены или вовсе отсутствуют. Неформальные и новые институты оказываются более привлекательными и жизнеспособными, чем прежние формальные. Сужаются или вовсе исчезают прежние роли, статусы, соответствующие социальные ниши, зато появляются новые. Происходит перераспределение ресурсов от одних институтов к другим, соответственно к актерам, активно занимающим ниши новых институтов. Прежние актеры, слишком крепко привязанные к прежним нишам, могут распасться или уйти со сцены, а новые – появиться.

Такие периоды будем ассоциировать, во-первых, с межтактовыми переходами, во-вторых, с особыми тактами «Кризис» и «Государственный распад», представляющими собой случаи наиболее обширных институциональных разрушений при блокировании или торможении появления новых формальных институтов.

Требования к объяснению кольцевой динамики через ментальные и социальные компоненты

Итак, нужно задать такой минимальный состав акторов с их арсеналом габитусов (символов, фреймов, идентичностей и установок), состав социальных ниш, меняющихся от такта к такту, а также сформулировать такие общие постулаты изменений габитусов и ниш, чтобы внутри каждого такта (например, «Авторитарного отката») все они изменялись закономерно – согласно постулатам, и приводили к результатам – габитусам и нишам конца данного такта. Последние согласно тем же или иным постулатам должны обуславливать переход именно к следующему такту («Стагнации») с характерным для него начальным состоянием габитусов каждого актора и занимаемых этим актором ниш.

Правитель и Элита в такте «Авторитарный откат»

Рассмотрим модель взаимодействия только двух акторов: Правителя и Элиты. Состав их габитусов и закономерные смены габитусов должны объяснить кольцевую динамику («Авторитарный откат» → «Стагнация» → «Кризис» → «Авторитарный откат»).

Правитель – это группа, члены которой занимают позиции верховной власти (царь – лидер правящей партии – президент, его ближайшие советники и сподвижники). Под Элитой будем подразумевать прежде всего верхние и средние слои государственного

(служилого) класса, управляющие нижележащими исполнительными аппаратами и государственными ресурсами.

Наиболее значимый для Правителя символ – **право на власть** (что вполне соотносимо с веберовской легитимностью господства). Во время «Кризиса», при переходе к такту «Авторитарный откат» **право на власть** полностью оправдывается лидерством в **спасении отечества** как важным идеологическим символом.

Габитус Правителя, характерный для такта «Авторитарный откат», включает следующие компоненты:

- *символы*: **право на власть**, оправданное лидерством в **спасении отечества**;
- *фрейм*: «восстановление порядка» (**царь-спаситель** набирает **служивых** для наказания **бунтовщиков**, подчинения и обложения налогами **народа**);
- *идентичность*: **царь – суровый спаситель отечества**;
- *установка, стратегия, практики*: расширение и поддержка аппарата принуждения и контроля.

Элита имеет свой главный инвариантный символ, который можно обозначить как **достойную жизнь**. При переходе от «Кризиса» к «Авторитарному откату» и на протяжении «Авторитарного отката» **достойная жизнь** понимается как **честь, долг, служение (царю, отечеству)**. Материальные и символические награды, карьерное продвижение воспринимаются как естественное дополнение и знаки **достоинства**.

Габитус Элиты, характерный для «Авторитарного отката», включает следующие компоненты:

- *символ*: **достойная жизнь** как **служение (царю, отечеству)**;
- *фрейм*: тот же, что и у Правителя;
- *идентичность*: **слуги-сподвижники царя-спасителя**;
- *установки, практики, стратегии*: честная служба, принуждение и контроль во имя державных нужд.

Авторитарный выход из «Кризиса» предполагает в первую очередь восстановление прежних и создание новых институтов принуждения и насилия: полиция, армия, фискальные органы, службы контроля и надзора, суды, судебные исполнители, тюрьмы. Эти расширяющиеся институты образуют множество новых ниш, верхние этажи которых занимает Элита (новая и/или прежняя). Расширение институтов принуждения всегда имеет предел, главным образом задаваемый нехваткой ресурсов (собираемой казны-бюджета

не хватает для содержания новых органов принуждения, а попытки повышения сборов, с одной стороны, безуспешны, с другой – ведут к слишком сильным волнам протеста). Происходит стабилизация, но сам такт продолжается. Почему же затем наблюдается переход к «Стагнации»? Чем вызваны рефрейминги и смены габитусов у Правителей и Элиты?

Взаимосвязь институциональной и ментальной динамики: базовые принципы

Принцип привлекательности социальных ниш. Для каждого актора его актуальная или потенциальная социальная ниша привлекательна ровно в той мере, в которой ее институциональные роли, статусы, предписывающие и ограничивающие правила соответствуют его идентичности и принимаемым им символам.

Принцип поклонения символам обеспечивающей общности. Высшим и устойчивым приоритетом для каждого индивида обладают символы, практики утверждения которых и поклонения которым повышают его членство в наиболее значимой для него и включающей его общности, причем последняя воспринимается индивидом как обеспечивающая его безопасность, социальное положение и основной доход (ср.: Collins 1975: 368–370). Возможны увлечения также символами референтных групп, но такие символы принимаются по-настоящему, трансформируют габитусы и воплощаются в поведенческих установках только тогда, когда это начинает повышать уровень членства в обеспечивающем сообществе.

Принцип институционального вытеснения. Главной причиной рефрейминга и смены габитуса у актора является сужение и снижение привлекательности его прежней социальной ниши в сочетании с появлением, расширением и ростом привлекательности новой ниши, требующей нового габитуса (нового фрейма, новой идентичности, новых стратегий и практик).

Принцип непреднамеренных следствий – институционального самоподрыва. В обществах с циклической динамикой совокупный эффект стратегий и практик разных акторов в каждом такте приводит к сужению и снижению привлекательности основных для данного такта социальных ниш, а также к появлению новых, главным образом неформальных, институтов и соответствующих новых ниш, прогрессирующее вхождение в которые акторов ведет к завершению данного такта и переходу к следующему.

Вопрос о том, что появляется вначале: новые идентичности у акторов, которые образуют новые ниши и институты, или новые ниши, входя в которые акторы трансформируют свои идентичности – является столь же малопродуктивным, сколь и вопрос о первичности курицы или яйца. В периоды социальной перестройки одновременно меняются и обуславливают друг друга и объективные социальные структуры, и субъективные ментальные компоненты потенциальных и актуальных участников этих структур.

Механизм перехода к «Стагнации»

Применим сформулированные выше принципы к такту «Авторитарный откат». Каковы социальные ниши Правителя и Элиты в данном такте? Какие появляются альтернативные ниши, вхождение в которые ведет к «Стагнации»?

Основная ниша Правителя при «Авторитарном откате» – лидерство в создании и расширении институтов принуждения и контроля. Этой нише вполне соответствуют символы Правителя (**право на власть**, оправданное лидерством в **спасении отечества**) и его идентичность (**царь – суровый спаситель отечества**).

Основная ниша Элиты при «Авторитарном откате» может быть определена как «службисты с карьерной перспективой». Расширение институтов принуждения и контроля создает все новые и новые места в бюрократической и силовой иерархии. Качество службы (от честности и ответственности до ретивости в принуждении и насилии) тут же повышает вероятность карьерного продвижения. Этой нише вполне соответствуют принимаемые Элитой символы **достойная жизнь** как **служение (царю, отечеству)** и идентичность: **слуги-сподвижники царя-спасителя**.

Альтернативные ниши Правителя известны, они соответствуют еще двум способам самолегитимации (сохранения **права на власть**): достижению **величия державы** и **сохранению порядка**. Первый из этих способов, могущий привести к такту «Успешная мобилизация», должен быть раскрыт в анализе механизма маятниковой динамики (это отдельное исследование). Второй способ характерен для кольцевой динамики и ведет к такту «Стабильность-Стагнация».

Каковы же роль и статус Правителя в институтах, направленных на сохранение сложившегося режима? Применим *принцип непреднамеренных следствий* – институционального самоподрыва. Благодаря честной службе Элиты, восстановлению и созданию но-

вых институтов принуждения и контроля «Кризис» преодолевается, «Отечество спасено». Вследствие этого прежняя ниша Правительства (лидерство в расширении этих институтов, соответственно – в «спасении Отечества») сужается, а рано или поздно – закрывается; на этом багаже можно остаться у власти до глубокой старости, но *по наследству он не передается* при всем желании.

Далее действует *принцип институционального вытеснения*. Выбор Правительства из оставшегося «меню» идентичностей (вести к **величию державы** или стать **хранителем порядка**) обычно делается естественным путем через серию проб и ошибок. При отсутствии факторов, ведущих к выбору **величия**, выбирается оставшаяся идентичность **хранителя порядка**.

Что происходит с Элитой при завершении расширения институтов принуждения? Согласно тому же *принципу непреднамеренных следствий – институционального самоподрыва* запускается целый комплекс взаимоусиливающих процессов. Резко снижается вертикальная мобильность членов Элиты (сужаются карьерные возможности). Теперь сколь угодно честная и ответственная служба не ведет к карьерному продвижению, поскольку все места наверху заняты и кадры обновляются не меритократически (по достоинствам), а непотически (по родству, знакомству, «по благу», т. е. в порядке ресурсного обмена «между своими»). В этих условиях никогда не прекращающаяся внутриэлитная конкуренция переходит из *формальной сферы службы и заслуженной карьеры* в *неформальную сферу статуса «среди своих», престижного потребления и карьеры как привилегии*.

Как остроумно (и вполне социологично) заметил публицист Л. Радзиховский, бюрократия со временем, как дитя к материнской груди, тянется к двум вещам: а) безопасности; б) собственности. Безопасность здесь означает защиту от произвольного снятия с должностей и лишения привилегий. Тяга к собственности означает вначале большую свободу в использовании и присвоении государственных, общественных ресурсов, а затем борьбу за приватизацию и наследование. Последовательные и консолидированные стратегии Элиты по обеспечению своей собственности и присвоению проходящих через ее руки ресурсов приносят свои плоды. Теперь Элита уже не набирается и не обновляется произвольно самим Правителем. Благодаря налаживанию и упрочению корпоративных связей (созданию кланов, клик и пр.) повышается безопасность Элиты: снижается риск «выпадения из обоймы», появляются теньевые неформальные институты конвертации подконтрольных ресур-

сов в личное престижное потребление, в собственность и в обменный фонд корпоративной взаимоподдержки и рынка услуг. Все это ведет к завершению такта «Авторитарный откат», последующему переходу к «Стагнации».

Что происходит с габитусом Элиты? Каким символам теперь она поклоняется? Как меняется ее способ восприятия мира (фрейм) и себя (идентичность)? Применим *принцип поклонения символам обеспечивающей общности*. После «героического» поколения державного подъема для второго и последующих поколений Элиты государство предстает уже не столько отдельной защищающей и кормящей инстанцией (символизируемой **царем**), сколько привычной «средой». Обеспечивающими становятся два главных типа сообществ: *семьи в широком смысле* (роды, кланы, династии) и *социальные сети* (профессиональные, образовательные, соседские и дружеские сообщества, «свой круг»). Первые накапливают социальный капитал в разных формах (богатство, статус, связи), вторые служат для обращения этого капитала и нового накопления.

«Хозяева страны» – эта формула вполне соответствует самоощущению – идентификации Элиты в такте «Стагнация». Для реальной занимаемой социальной ниши такое обозначение уже не подходит. Его существенный дефект состоит в том, что коннотацией к «хозяину» является рачительность – забота о своем добре, рассчитанная на долгую перспективу. Увы, государственный (служилый) класс, стремящийся и получивший возможность переводить государственные ресурсы в личное престижное потребление и «обменный фонд», такими качествами не обладает. Поэтому приходится обозначить нишу менее лапидарным, но более точным именем: «временные управляющие страной (временщики)».

В условиях усилившейся и коррумпированной Элиты ниша, оставленная для Правителя, может быть обозначена как двусторонняя: 1) «символ Порядка»; 2) «гарант привилегий Элиты».

Какой новый фрейм становится актуальным для Правителя и Элиты? Обозначить одной формулой его затруднительно, поскольку он как минимум двухслойный³.

Внешний декоративный слой, впрочем, вполне искренно утверждаемый в пышных государственных, церковных и светских пропа-

³ Судя по всему, такт «Стагнация» характеризуется максимальной дистанцией между политикой 1-й (официальной и декларируемой) и политикой 2-й (скрытой и реальной). О соответствующей концепции дистанции политической раздвоенности (ДПР) см.: Пустовойт 2007.

гандистских ритуалах, может обозначаться как **порядок, стабильность, общественное спокойствие (царь и государевы люди** заботятся о процветании страны и благополучии **народа** в полном соответствии с высшими социальными и/или духовными идеалами).

Скрытый реальный слой включает две основные части: межакторную и внутриакторную.

Межакторный фрейм имеет характер вертикального контракта между Правителем и Элитой. Он может быть реконструирован и сформулирован таким образом (с точки зрения Элиты): «Мы везде демонстрируем преклонение перед Вашими властью, величием, достоинствами, не посягаем на Вашу власть, ограждаем от какой-либо “конкуренции”, позволяем Вам купаться в роскоши, подавляем бунтовщиков, худо-бедно выполняем свои служебные обязанности, а Вы уж нас не трогайте, избавьте от излишнего контроля, страха, опалы, репрессий, чисток и пр., не судите слишком строго, если что-то отщипнем от государственного пирога или сострижем в свой карман с пасущегося на нашей с Вами земле народа».

Внутриакторный фрейм с приоритетным символом **достойная жизнь** может быть обозначен краткой формулой **все схвачено**: «Цель и смысл жизни состоит в обеспечении достойной жизни для себя, семьи и всего круга “своих”, для этого во всех нужных местах должны быть “хорошие знакомые” или “верные люди”, а за их услуги их также нужно благодарить».

Почему «Стагнация» неминуемо соскальзывает к «Кризису»

В такте «Стагнация» также действует *принцип непреднамеренных следствий – институционального самоподрыва*, он закономерно обуславливает следующие процессы.

- Элита, резко ограничившая контроль и угрозы «сверху», никогда не имевшая контроля «снизу», неуклонно наращивает свои потребности престижного потребления, черпая ресурсы как от государства («казнокрадство», или «нецелевое использование бюджетных средств»), так и от населения (поборы и взятки).

- Элита разрастается демографически (каждый ребенок в семье должен быть «пристроен», выпадения в низшие социальные слои редки и скандальны для престижа семьи), а также в результате действия известного «закона Паркинсона» (бюрократы соревнуются между собой в величине подведомственных департаментов – количестве подчиненных) и постоянного притока желающих стать «допущенными к столу» (Ф. Искандер).

- Неуклонно растет часть Элиты, не получающая достаточных для ее социального комфорта доходов, власти, признания (деклассированный сегмент, контрэлита).

- В соответствии со структурно-демографической теорией (Goldstone 1991; Нефедов 2005) ресурсы систематически перетекают от государства и народа к нарастающей свое потребление Элите⁴.

- Правители пытаются восстановить контроль над Элитой (борьба с коррупцией, растаскиванием бюджета и пр.), для этого расширяют аппарат контроля (новые комитеты, комиссии, ведомства), что может давать кратковременный эффект, но в долгосрочном плане только ускоряет рост численности и appetites Элиты.

- Хронический дефицит государственных средств (и невозможность их довести до целевого использования) вызывают деградацию армии, вооружений, геополитические провалы, также имеет место хроническое недопроизводство общественных благ и разнообразные негативные социальные эффекты.

- Продолжающаяся (или даже усиливающаяся вследствие роста численности и appetites Элиты) эксплуатация народа, соответствующие принудительные практики, экономическое давление (от податей, рекрутчины, порчи денег, выкупных выплат до налогов и инфляции) теперь теряют оправдание «затягивания поясов для спасения Отечества», что ведет к делегитимации власти и режима, росту протестных движений, которые рано или поздно смыкаются с деклассированными сегментами Элиты, возглавляются их представителями.

Итак, прежние ниши для Элиты не сужаются, но *при расширении самой Элиты оказываются слишком узкими*. Для растущего множества «не допущенных к столу» идентичность **хозяева страны** уже никак не подходит. В соответствии с *принципом институционального вытеснения* Элита претерпевает рефрейминг и смену габитусов. Определим основные направления этих ментальных изменений.

Расщепление акторов на фракции в такте «Кризис»

Применим *принцип поклонения символам обеспечивающей общности*. Для высших слоев Элиты, довольных своим положением, та-

---

⁴ Обнищание государства и народа идет медленнее, если страна закрыта, а спрос Элиты на престижное потребление активизирует местное производство и местные социальные функции (например, образование, городскую инфраструктуру и т. д.); если же страна открыта и ресурсы Элиты в большинстве перетекают за рубеж (как в конце XIX – начале XX века и в начале XXI века), то процессы идут гораздо стремительнее.

кой общностью является «свой круг» с символами **порядка**. Рост неприятностей, сбои государственной машины и социальные волнения воспринимаются как досадные отклонения от этого порядка, которые надо устранить возвратом к строгости, но не к «своему кругу», а только к нижележащим слоям. Таков габитус «консерваторов» (они же во время и после «Кризиса» станут «реакционерами»).

По мере нарастания трудностей, провалов, общественного недовольства в нижележащих слоях Элиты становится все больше «реформаторов» – сторонников институциональных реформ, уступок протестным требованиям, расширения прав, участия в управлении. Кто же является обеспечивающим сообществом, финансирующим эти, по существу, либеральные символы? Здесь и обнаруживается отсутствие такового. Есть референтные группы (например, «цивилизованные европейцы» или местные «властители дум» типа Н. Н. Новикова, П. Я. Чаадаева, В. Г. Белинского или А. Д. Сахарова). Но обеспечивающее сообщество, которое дает безопасность, престиж и основной доход самим «реформаторам» из Элиты, – это обычно тот же «свой круг», который редко бывает в восторге от реформаторских идеалов, таких как **вольность-свобода, конституция или демократия**.

Здесь можно усмотреть социальные корни повторяющихся в России с удручающим историческим упорством явлений слабости, половинчатости, непоследовательности, метаний, соскальзывания к оппортунизму и даже охранительству у российских «реформаторов». Это касается почти всех: от Екатерины II и Александра I до Горбачева и Ельцина; причем тут имеются в виду не только и не столько сами лидеры, сколько организуемые и символизируемые ими правящие группы – действительные акторы политической динамики.

Рассмотрим теперь габитусы и ниши, характерные для деклассированных сегментов, отпадающих от Элиты.

Движения *радикальной (революционной) оппозиции* направляют протест контрэлит и более широкий социальный протест против Правителя, Элиты и/или самого режима, взяв на вооружение наиболее релевантный комплекс символов из доступного идеологического «меню» (как отечественного, так и зарубежного производства). Радикалами могут стать церковные обновленцы, сектанты, масоны, карбонарии, народники, социалисты, марксисты, проповедники «социализма с человеческим лицом», национал-большевики

или либералы-западники. Согласно тому же *принципу поклонения символам обеспечивающей общности* радикалы укрепляются в своем протестном габитусе при условии, что их приверженность символам хоть в какой-то мере поддерживается обеспечивающими сообществами, будь то декабристы в среде дворян-офицеров начала 1820-х годов или советские диссиденты в среде научной интеллигенции в 1970–1980-х годах.

Фундаменталистские и шовинистические движения направляют протест против всего, что им представляется чужим и навязанным извне. Как правило, они пытаются заключить союз с Правительствами и частью Элиты, поскольку нуждаются в легитимации своего насилия над чужаками либо пытаются использовать для этого государственный аппарат насилия. Судя по всему, эти движения имеют наиболее обширное обеспечивающее сообщество – малообразованную массу, свыкшуюся с принуждением над собой и переносящую агрессию на представителей легко отличимых и обычно замкнутых групп «инородцев» и прочих чужаков (от евреев и таджиков до стилиг и хиппи).

При всем различии руководящих символов и идентичностей кризисных акторов заметим определенное единство в принимаемых ими фреймах. Этот инвариант выражается следующей формулой: «**Спаситель отечества** должен подавить (свергнуть, устранить от власти, предать суду, изгнать, уничтожить) **врага-вредителя** посредством принуждения и/или насилия». Прогрессирующее переключение разных групп на этот общий конфликтный фрейм ведет к росту конфронтации, которая усиливает жесточечность, делает данный фрейм самым ясным, удобным и релевантным для новых и новых групп.

Если Правительства и Элита успешно подавляют протесты в зародыше, не происходит существенного обновления Элиты и социальных институтов, то данный случай получает статус «мини-кризиса» – внутреннего субтакта в рамках продолжающейся «Стагнации».

Если же эскалация насилия приводит к замене или серьезным обновлениям в составе акторов Правительства и Элиты, к существенному разрушению институтов, то «Кризис» уже считается самостоятельным тактом. Рассмотрим характер его протекания.

От «Кризиса» – к «Авторитарному откату»

Каждый глубокий социально-политический кризис – это время быстрого разрушения социальных институтов, исчезновения соот-

ветствующих ниш, драматической смены символов и идентичностей, лихорадочного переключения фреймов.

Основная направленность действий наиболее активных акторов имеет агрессивный и конфронтационный характер (подавить, свергнуть, уничтожить **врага**). Эскалация конфликтов обычно ведет к созданию коалиций и поляризации. Радикалы раздувают пожар борьбы, делают ставку на насилие. Реформаторы при явном росте политических волнений частью переходят на сторону оппозиции, надеясь возглавить протесты (как весной 1917 года или в конце 1980-х годов), частью оппортунистически примыкают к консерваторам. Союз реформаторов с радикалами не бывает прочным из-за отмеченного выше оппортунизма реформаторов, а также неспособности радикалов к компромиссам (в их обеспечивающих сообществах компромиссы считаются предательством). Шовинисты, как обычно, поддерживают власть.

Как известно, любой конфликт, особенно отягощенный насилием, расходует много ресурсов. Заметим, что в политико-идеологическом и/или вооруженном противоборстве каждая сторона мобилизуется, иными словами, здесь появляются особые *мобилизационные институты* с открытием соответствующих ниш. Если же конфликт, например гражданская война, продолжается несколько лет, то у акторов, заполняющих эти ниши, формируются и соответствующие габитусы. Мобилизационные институты всегда в большой мере опираются на *внутреннее принуждение*, тогда как сами ориентированы на *внешнее насилие*. Акторы с габитусами, центрированными на принуждении и насилии (так называемая «ушибленность войной»), будут востребованы и найдут широкое применение в последующем такте «Авторитарный откат».

Чем интенсивнее конфликт, тем быстрее происходит истощение человеческих и материальных ресурсов. Таким образом, в такте «Кризис» проявляется *принцип институционального самоподрыва*. Страну охватывает усталость, большинство населения утрачивает готовность включаться в борьбу, поддерживать мобилизационные институты. Люди готовы подчиняться тому, кто выигрывает в схватке.

Кто же выигрывает? В редких случаях наиболее глубоких, подспудно назревавших кризисов выигрывают радикалы (1917–1920 годы и 1991 год). Анализ соответствующей маятниковой динамики – отдельная тема. Большинство же манифестаций такта «Кризис» завершалось «Авторитарным откатом» той или иной интенсивности (все столичные и окраинные бунты и восстания XVII–

XVIII веков, а также внутренние конфликты, геополитические неудачи и бедствия 1812, 1825, 1830, 1861–1867, 1881, 1900–1903, 1905–1907, 1927–1928, 1941–1945, 1968, 1993, 1998–1999 годов). Во всех вышеперечисленных случаях в руках Правителя и Элиты с крепким большинством консерваторов оставался аппарат принуждения (армия, полиция, спецслужбы).

Победившие Правители и консервативно-реакционная часть Элиты испытывают триумф победы. Здесь фрейм «строгий царь казнит бунтовщиков и спасает Отечество» получает мощное подкрепление и программирует на долгое время «оптимальную» реакцию на любые внутренние неурядицы. Радикалы отчасти уничтожаются, отчасти изгоняются из страны, отчасти подчиняются и смиряются.

Применим *принцип институционального вытеснения*. Вследствие поражения мятежников (оппозиции) закрываются ниши протестных мобилизационных институтов, зато становятся крайне привлекательными открывающиеся ниши новых привластных институтов принуждения и контроля, их идеологического обеспечения.

Более сложной, но выполнимой представляется задача теоретического объяснения маятниковой динамики. После этого нужно последовательно проводить уточнение и обогащение объяснительной модели, сверяя ее с фактами эмпирической истории. Но это уже темы будущих исследований.

Литература

Бурдьё, П. 2001. *Практический смысл* / пер. с фр. А. Г. Бикбоева, К. Д. Вознесенской. М.: Ин-т эксперим. социологии.

Вишневский, Р. В. 1997. Модернизационные циклы в истории России. *Теория предвидения и будущее России. Материалы V Кондратьевских чтений*. URL: ss.xsp.ru

Коллинз, Р. 2001. Золотой век исторической макросоциологии. *Время мира* 1: 72–89.

2005. *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Нефедов, С. А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России*. Екатеринбург: УГГУ.

Пантин, В. И., Лапкин, В. В. 1998. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы. *Проблемы и суждения* 2: 39–51.

Пустовойт, Ю. А. 2007. Феномен политической раздвоенности как ключевой элемент формирования политических отношений (теоретико-методологические аспекты изучения). *STUDIUM-VIII. Проблемы управления развитием социальных систем*: сб. науч. тр. Иркутск: ИГУ: 69–79.

Розов, Н. С.

2006. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? *Полис* 2: 8–29.

2009. *Историческая макросоциология: Методология и методы*. Новосибирск: НГУ.

Янов, А. Л. 1997. *Тень Грозного царя. Загадки русской истории*. М.: Крук.

Collins, R.

1975. *Conflict Sociology*. N. Y.: Academic Press.

1999. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford: Stanford University Press.

Derlugian, G. 2005. *Bourdieu's Secret Admirer at the Caucasus*. Chicago: University of Chicago Press.

Goffman, E. 1967. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. N. Y.: Anchor.

Goldstone, J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.

Hellie, R. 2005. The Structure of Russian Imperial History. *History and Theory. Studies in the Philosophy of History* 44 (4): 88–112.

Mennell, S. 2007. *The American Civilizing Process*. Wiley: Wiley Polity.